

штабный замысел, подтвердив оригинальные концептуальные положения широким кругом источников, в том числе впервые введёнными в научный оборот документами из фондов РГАДА, АВПРИ и РГА ВМФ. Ими создано обобщающее исследование, в котором на основе критического переосмысления хода и итогов международных конгрессов, заседавших при активном участии царской России, а также с учётом новейших достижений в области теории и методологии истории, убедительно демонстрируется, что дипломатия, способная урегулировать межгосударственные противоречия мирным путём, не менее значимая сила, чем оружие на поле боя. Данная коллективная монография, несомненно, будет полезна не только для специалистов, но и для всех, кто проявляет интерес к истории международных отношений.

Примечания

¹ См., в частности: Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI — начало XX века: к столетию академика А.Л. Нарочницкого. М., 2007; Формирование территории Российского государства, XVI — начало XX вв. Границы и геополитика. М., 2015; От царства к империи. Россия в системе международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М.; СПб., 2015.

² Третьякова Е.С. Основные конгрессы и конференции XIX века и их роль в развитии международного права // Вестник академии права и управления. 2016. № 42. С. 41–47.

³ Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. М., 2006. С. 26.

⁴ Системная история международных отношений в четырёх томах. М., 2000. Т. 1. С. 10–12; Ревякин А.В. История международных отношений в Новое время. М., 2004. С. 38–39; Медяков А.С. История международных отношений в Новое время. М., 2007. С. 164; Основы общей теории международных отношений. М., 2009. С. 67–69.

Алексей Ипатов

Рец. на: С.С. Юдин. Солдат империи. Генерал М.И. Драгомиров. Реформатор. Учитель. Военачальник. М.: Яуза-каталог; Российское военно-историческое общество, 2021. 336 с.

Aleksey Ipatov

(Voronezh State Pedagogical University, Russia)

Rec. ad op.: S.S. Yudin. Soldat imperii. General M.I. Dragomirov. Reformer. Uchitel'. Voenachal'nik. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X24020214, EDN: HGNTUO

Мнения о концепциях и способностях военных теоретиков и полководцев второй половины XIX в. в Российской империи за прошедшее время неоднократно менялись. В отечественной и зарубежной исторической науке не раз трансформировались господствующие методологии и основные подходы к оценке роли отдельных личностей. В советской историографии царские генералы по-

реформенной эпохи оценивались предельно строго, похвалы (прежде всего от П.А. Зайончковского¹) удостоился, пожалуй, только военный реформатор Д.А. Милютин. В последние десятилетия учёные всё чаще проявляют интерес и к другим крупным военачальникам². Однако, как ни странно, только в 2021 г. вышла первая монография, посвящённая анализу взглядов и деятельности М.И. Драгомирова, оста-

вившего яркий, хотя и неоднозначный след в истории русской армии и военной мысли. Между тем до сих пор «память о нём поддерживается отдельными энтузиастами и военными учреждениями, но противоречивый образ генерала заслонил реального человека и его идеи» (с. 7). Пройти сквозь мифы, окружавшие и окружающие его фигуру, действительно отнюдь не просто. В самом начале С.С. Юдин утверждает, что на первые оценки, прозвучавшие после смерти Драгомирова, повлияло поражение России в русско-японской войне. Но если это и верно, всё равно необходимо понять, почему так произошло. Ведь, к примеру, репутация А.В. Суворова не пострадала из-за неудач русских войск в 1805–1807 гг.

Структура исследования вполне традиционна и включает введение, восемь глав, заключение и «алфавитный указатель» имён, существенно облегчающий работу с текстом. Автор книги исходит из того, что военная карьера Драгомирова «была предопределена семейной традицией» (с. 13). В первой главе «От Конотопа до Петербурга» описаны годы детства и юности Михаила Ивановича, когда он рос в патриархальной обстановке Малороссии, обучался с 1847 г. в Дворянском полку, где проявил незаурядные личные качества, и в Императорской Военной академии, проникался идеями Суворова, изучал европейский опыт в заграничных командировках (с. 10–44).

Вторая (с. 45–75) и третья (с. 76–100) главы монографии посвящены участию Драгомирова в реформировании русской армии после разочарований, вызванных итогами Крымской войны. В 1859–1874 гг. молодой офицер предлагал множество проектов, направленных на улучшение комплектования и обучения войск, активно анализировал различные аспекты тактики и стратегии, смело обличал

существовавшие в армии проблемы и пережитки, часто выступал в военной печати. По словам Юдина, «статьи Драгомирова воспринимались противниками реформ как новое посягательство на власть командиров частей, подрыв дисциплины, и нередко это означало для них наличие самых опасных тайных намерений» (с. 59). Характерно, что хотя сам он и не принадлежал к оппозиции, среди его знакомых было немало тех, кто придерживался либеральных и даже радикально демократических взглядов. Юдин отмечает огромное влияние на полковника Драгомирова командировки в Пруссию для наблюдения за ходом австро-прусской войны 1866 г. Он не только сумел оценить достоинства и недостатки военной тактики и стратегии обеих сторон, но и лично познакомился со многими военными и политическими деятелями, включая кронпринца Фридриха-Вильгельма, гр. О. фон Бисмарка, Г. фон Мольтке и одного из лидеров Немецкой прогрессистской партии Р. Вирхова. Поездка заметно отразилась и на известности Михаила Ивановича как профессора Николаевской Академии Генерального штаба. Впрочем, открыто выражая свои взгляды, он быстро нажил как почитателей своего таланта, так и недоброжелателей, настраивавших против него Александра II. Именно с этим автор книги связывает назначение в 1869 г. Драгомирова, незадолго до этого произведённого в генерал-майоры Свиты е.и.в., на должность начальника штаба Киевского военного округа.

В четвёртой главе (с. 101–144) анализируется деятельность Драгомирова в 1874–1877 гг. С мая 1873 г. он командовал 14-й пехотной дивизией, которую к началу русско-турецкой войны не только «сильно подтянул», но и сделал одной из образцовых. Не случайно именно ей было поручено

чено 15 июня форсировать Дунай. Драгомиров со страхом ждал этого, по его словам, «великого для меня дня, в котором должно оказаться, чего стою я и моя система образования и воспитания солдата, и стоим ли мы вообще оба, то есть я и моя система, чего-нибудь» (с. 133). Но переправа, несмотря на неизбежный «хаос боя», превратилась в триумф драгомировской дивизии и, как справедливо пишет Юдин, «стала одной из самых успешных операций русской армии» за всю кампанию (с. 134). Авторитет генерал-майора, заслужившего орден Св. Георгия 3-й степени, в военных и придворных кругах, в окружении императора и главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича (старшего) резко возрос.

Однако уже 12 августа, вследствие тяжёлого ранения, едва не приведшего к ампутации ноги, война для Михаила Ивановича фактически закончилась: «О возвращении в строй не могло быть и речи. Всю оставшуюся жизнь Драгомиров испытывал проблемы с ездой верхом и подъёмом по лестницам» (с. 138). Оставалось подводить итоги, извлекать уроки, исправлять ошибки. Десять лет спустя генерал признал: «Все мы грешны, все и покаемся, чтобы в будущем прорух не скажу совсем не было, но чтобы было по возможности меньше» (с. 143). Впрочем, в конце главы автор смело договаривает за своего героя (вовсе не отличавшегося излишней сдержанностью) даже то, что он так и не сказал. Например, о том, будто «победа была достигнута вопреки началству» (с. 144). Ещё более широкие выводы делаются от имени «Драгомирова и других участников войны», названных «поколением 1877 г.». По мнению Юдина, видя, как «Россия вступала в войну с благородной целью освобождения славян от турецкого владычества», но «русский народ не получил

от неё прямых выгод», они убедились в том, что «правительству следует не гнаться за идеологическими химерами и не “жениться” отстаивать национальные интересы», а «внешняя политика России должна стать более прагматичной и тщательнее соотносить желания и возможности». Правда, в подтверждение этого заключения приводятся лишь «известные слова Александра III» (с. 143). Однако корректно ли экстраполировать их на всё «поколение 1877 г.»? Во всяком случае не менее известные слова М.Д. Скобелева, произнесённые в 1882 г. перед сербскими студентами в Париже, свидетельствуют об обратном.

Высоко оценивая заслуги Драгомирова, Александр II произвёл его осенью 1877 г. в генерал-лейтенанты, а в апреле 1878 г. поставил во главе Николаевской академии Генерального штаба. Михаил Иванович руководил ею более десяти лет — с 1878 по 1889 г. Многочисленные трудности, с которыми он столкнулся на новом посту, и дискуссии о необходимых изменениях в тактике ведения боя, развернувшиеся тогда в военных кругах, нашли отражение в пятой (с. 145–189) и шестой (с. 190–216) главах монографии. Как утверждает Юдин, «среди всех офицеров Генерального штаба только он обладал должным авторитетом, известностью в России и за рубежом, а главное, уникальным сочетанием педагогического опыта с боевым и практическим» (с. 161).

Вместе с тем в спорах с другими генералами, включая М.Д. Скобелева, Г.А. Леера, А.Н. Куропаткина, Драгомиров нередко проявлял себя как человек неуживчивый, последовательно выступавший против засилья «военной бюрократии» в министерстве и округах, довольно часто высказывавший свою точку зрения и при этом болезненно реагировавший на несогласие или критику. Успешно развеи-

вая некоторые мифологемы, искажающие реальные представления генерала о развитии огнестрельного оружия и его роли в бою, Юдин констатирует, что Михаил Иванович, рассуждая «о влиянии технических новинок на моральное состояние войск», «выдвигал на первый план задачу совершенствования человека, а не технические средства» (с. 209–210). Впрочем, автор явно избегает каких-либо однозначных суждений о верности или ошибочности позиции Михаила Ивановича в полемике 1880-х гг.

В седьмой главе (с. 217–258) говорится о службе Драгомирова на посту командующего Киевским военным округом (1889–1903) и киевского генерал-губернатора (1898–1903). В ней показано, насколько скрупулёзно генерал формировал круг своих ближайших сотрудников, без обиняков заявляя неугодным, что они не работают. Характерно, что, удостоившись милостивого рескрипта императора после больших манёвров в 1890 г., Драгомиров, поблагодарив войска, выпустил специально для офицеров прибавление к приказу, названное «Чего нам недостаёт» и являвшееся, по сути, настоящим «разносом» за выявленные недостатки. В целом, как признаёт Юдин, «это был грубый и порой жёсткий начальник» (с. 230). Наряду с его неравнодушным отношением к делу это нередко приводило к столкновениям как с вышестоящими, так и с подчинёнными. Сказывалось и то, что с годами Михаил Иванович действительно всё подозрительнее относился к новому вооружению и к разного рода достижениям военно-технического прогресса. Значительных усилий стоило ему подготовить официально утверждённый 10 апреля 1904 г. Устав полевой службы.

В заключительной главе «Война, мир, революция» (с. 259–302), характеризуя внешнеполитические взгляды

Драгомирова, Юдин пишет о том, с какой тревогой воспринимали в России смерть Вильгельма I в 1888 г. и отставку в марте 1890 г. кн. О. фон Бисмарка на фоне нагнетания военно-политической истерии, гонки вооружений и колониального раздела мира на рубеже XIX–XX вв., как нарастало осознание того, «что конфликт в Европе стал ближе» (с. 259). Между тем автор убедительно показывает, что и «накануне нового века Драгомиров мыслил о войне, оставаясь целиком в рамках культуры XIX столетия, в которой война представлялась прогрессивной силой» (с. 276). Последние месяцы его жизни оказались наполнены интригами, «в которых личные счёты служили таким же важным двигателем, как и беспокойство о судьбах армии и России» (с. 299).

Не пытаясь идеализировать своего героя, неоднократно приводя весьма нелицеприятные отзывы о нём современников и критически оценивая его идеи и действия, С.С. Юдин, несмотря на спорность и недостаточную аргументированность отдельных утверждений, создал весьма добротный и профессиональный труд, значительно обогащающий современную историографию. Его книга ещё долго будет вдохновлять читателей на дальнейшие исследования, раскрывающие новые грани биографии М.И. Драгомирова и его времени.

Примечания

¹ *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952; *Зайончковский П.А.* Русский офицерский корпус на рубеже двух столетий (1881–1903 гг.) // Военно-исторический журнал. 1971. № 8. С. 39–47; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973; *Зайончковский П.А.* Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 21–29.

² *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольте». Николай Николаевич Обручев

(1830–1904). СПб., 1998; *Дашкуев М.Д.* Побеждает тот, кто умеет лучше думать. Н.Н. Обручев. М., 2007; *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007; *Господарик Ю.* Пётр Семёнович Ванновский // Высшее образование в России. 2002. № 4. С. 142–147; *Шолохов А.Б.* Генерал Михаил Скобелев.

Исторический портрет. М., 2002; *Гусаров В.И.* Генерал М.Д. Скобелев: легендарная слава и несбывшиеся надежды. М., 2003; Генерал Куропаткин — государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения. М., 2018; *Шаваев А.Г.* Куропаткин. Судьба оболганного генерала. М., 2019; и др.

Александр Пученков

Без Бога, царя и Отечества: из истории Балтийского флота в 1917 г.*

Aleksandr Puchenkov

(Saint Petersburg State University, Russia)

Without God, Tsar and Fatherland: the history of the Baltic Fleet in 1917

DOI: 10.31857/S2949124X24020221, EDN: HGNBTZ

Петербургский исследователь Д.А. Бажанов уже многие годы увлечённо работает над историей Балтийского флота в годы Первой мировой войны¹. Нынешнее исследование Бажанова выводит его наработки на новый уровень: учёному удалось подготовить труд, который может лечь в основу докторской диссертации. Книга охватывает сразу два актуальных и востребованных направления. С одной стороны, она освещает службу дредноутов Балтийского флота в 1914–1917 гг., когда данный тип кораблей считался новейшим, требовал особой подготовки нижних чинов и офицерского состава, остававшегося вплоть до начала Великой войны преимущественно дворянским². Хотя Балтика так и не стала очагом крупных морских сражений, местные корабли должны были защищать от немецких атак Петроград и Гельсингфорс. Другая, не менее важная часть монографии реконструирует основные черты повседневности балтийцев в переломную эпоху. Исследователь дотошно проанализировал все ключевые

аспекты повседневной жизни моряков, служивших в Гельсингфорсе. Бажанову удалось реконструировать быт моряка-балтийца — рутинную сторону его службы на корабле, духовную жизнь, пищевой рацион, режим дня и т.д.

Затронутые в книге сюжеты порождают целый ряд вопросов. Едва ли не самый важный из них: как и благодаря чему за два с половиной года произошла метаморфоза, превратившая матросов Балтийского флота — гордость империи и любимцев всех без исключения Романовых, начиная с Петра Великого, в «красу и гордость русской революции», а после Октября — в своеобразных преторианцев большевистского режима?

На протяжении всей своей истории российский флот представлял собой уникальное сообщество со своими традициями и ритуалами, особым внутренним устройством. В известной степени это была своеобразная «Россия в миниатюре», чрезвычайно остро переживавшая политические и экономические события. Себя моряки-

* *Бажанов Д.А.* Служебные будни балтийских дредноутов (1914–1917 гг.). СПб.: Астерион, 2021. 384 с.